ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И СИНХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ *

Облик и общий уровень цивилизации, возникшей в результате интенсивных процессов классообразования в древнетюркском обществе и создания тюркскими племенами первых государств, определяют: а) унаследованные социокультурные и материальные комплексы, традиционные для евразийских степей уже в дотюркский период; б) заимствованные и адаптированные социально-политические и идеологические представления, производственные и художественные приемы; в) новации, возникшие в самой древнетюркской среде. В специальной литературе, однако, наличествуют лишь дескриптивные характеристики древнетюркской культуры, главным образом в ее вещественном и функциональном выражении. Рассмотрение традиционности и генетической преемственности степных культур, как и выявление новаций, ограничивается анализом отдельных археологических комплексов.

Между тем наиболее ярким показателем общего уровни древних цивилизаций является письменность, причем по только в ее содержательном, но также и в палеографическом аспектах. Поэтому представляет интерес в рамках анализа культурообразующих факторов, рассмотрение тех унаследованных или адаптированных элементов древнетюркской культуры, которые нашли отражение в памятниках древнейшей тюркской письменности. Естественно, представленные сюжеты по необходимости ограничены в числе и в подробностях изложения.

Аспект палеографический. Если момент возникновения письменности и время генезиса цивилизации в какой-то степени сопряжены, то древнетюркскую культуру, манифестируемую порожденной ею письменностью, следует признать весьма молодой. Как о том свидетельствуют открытия, дешифровка и интерпретация согдоязычной Бугутскон надписи — мемори-

* Профессор, заведующий отделением Тюркологии Санкт-Петербургского филиала института Востоковедения Российской Академии наук.

ального памятника четвертого тюркского кагана Таспара (572-581), письменность в каганате появилась одновременно с возникновением государства, но это была адаптированная письменность на иноязычной основе [1]. Не комментируя сейчас столь знаменательного синхронизма, отметим, что появление в конце VII в. в Монголии, а в начале VIII в. и на Енисее памятников древнетюркского рунического письма и рождение древнетюркского литературного языка-койне имели гораздо более длительную предысторию, чем это кажется согласно распространенной гипотезе об одновременности возникновения письма и дошедших до нас рунических памятников [2],

Ни в коей мере не солидаризируясь с так называемой «тамговой» теорией происхождения тюркской руники, ибо совершенно очевидно структурное и собственно палеографическое воздействие на нее согдийского алфавита, мы все же не можем не упомянуть некоторых обстоятельств, требующих разъяснения.

В результате новейших археологических открытий установлено существование в центрально-азиатском кочевнической среде, у ирано-язычных сакоюечжийских племен, а также в созданных ими государствах руноподобпой алфавитной письменности, существовавшей во второй половине I тыс. до н.э.– первых веках н.э. Делались попытки связать это письмо с тюркской руникой. С нашей точки зрения, обнаружить какую-либо преемственность между двумя письменностями, разделенными многими веками, невозможно. Там, где мы видим некоторое сходство начертаний, знаки слишком элементарны, и их сопоставление не имеет смысла, во всяком случае до дешифровки надписей из Иссыка, с городища Ан-Ханум и из Дашт-и Мавура [3].

Другим обстоятельством, действительно заставляющим искать свое объяснение, является существование в Восточной Европе и в Хазарском каганате по меньшей мере трех вариантов тюркского рунического письма, ни один из которых не стал основой письменной культуры хазар, хотя само письмо в IX-X вв. вместе с праболгарами проникло далеко на запад [4].

Ни по репертуару знаков, ни по их атрибуции восточно-европейский алфавит не совпадает с нейтрально-азиатским; более того, он явно архаичнее центрально-азиатской руники. Остается загадкой, существуют ли генетические связи между обеими системами тюркского рунического письма? И все же смущающим обстоятельством является не само существование двух систем тюркской руники, а выявление в Центральной Азии хотя бы и немногих рунических надписей, выполненных теми же знаками, что н хазаро-болгарские надписи Восточной Европы.

Поэтому мы полагаем возможным вернуться к высказанной нами еще в 1964 г. гипотезе о весьма раннем (не позднее IV-V вв.) приспособлении согдийского алфавита к тюркскому языку в оазисах Восточного Туркестана.

Результатом процесса и стал вариант рунического письма, зафиксированный в Центральной Азии н в Восточной Европе. Этот тип тюркской руники, весьма неразвитый и примитивный, лишенный строгой нормативности и не получивший государственной протекции в первом Тюркском каганате, тем не менее был некоторое время употребителен среди тюркоязычного населения западной части Центральной Азии. Именно оттуда вместе с племенами теле (т.е. праболгарскими), мигрировавшими в Восточную Европу после крушения гуннской империи Атиллы или за несколько десятилетии до того, это письмо проникло в Поволжье и Подонье, а затем и в долину Дуная и просуществовало там на вторых ролях некоторое время [5].

Между тем в Центральной Азии не позднее VII в. старое руническое письмо под определяющим влиянием согдийского алфавита было коренным образом реформировано, после чего стало там нормативным государственным письмом не только второго Тюркского каганата, но также и его преемников в Монголии, на Енисее и в Восточном Туркестане.

Изложенная гипотеза о дореформенной и пореформенной тюркской рунике, естественно, не может быть подтверждена до открытия достоверно ранних памятников рунической письменности в Центральной Азии. Тем не менее явная связь одной из разновидностей рунического письма с праболгарами дает исследователю новые возможности для•оценки историко-культурной роли племенного союза теле, большая часть которого во главе с уйгурами влилась к началу VII в. в суперсоюз огузских племен.

Аспект историографический. Одним из важнейших элементов духовной культуры любой этнической общности является историческая память. Овладение письменном культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию ее различных проявлений. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет ту или иную древность самой культуры, независимо от обычно прокламируемой создателями текстов жесткой связи между рождением мира и их собственного этноса. Вместе с тем именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные следы, которые определяют пути поиска истоков культурного наследия.

Если историчность енисейских памятников ограничена сроком одной человеческой жизни, а гораздо более широкая и полная картина в орхонском тексте настолько актуализирована, что исторический фон в них, по существу, совпадает с описанием синхронной или близкой по времени политической ситуации, то даже плохо сохранившиеся фрагменты, посвященные историческому прошлому в недавно открытых уйгурских рунических текстах (Терхинский и Тэсинский памятники), а также в надписи из Могон Шине

Усу, выводят исследователя на новый уровень представлений о хронологической глубине и повествовательном диапазоне, заложенном в огузской традиции. Во всяком случае, до образования последнего по времени Уйгурского эля в 744 г. авторы надписей сохраняли намять о двух предшествующих уйгурских царствах, о двух периодах упадка и господства иноплеменников (тюрков и кыпчаков) [6]. Особенно насыщен эмоциональной информацией рассказ о втором уйгурском эле, просуществовавшем 80 лет и погибшем из-за внутренних распрей и смут, из-за предательства вождей бузуков, в особенности двух «именитых» - Беди Берсила и Кадыр Касара. В целом реальная глубина исторической памяти уйгурского историографа опирается на традицию, по крайней мере, двухсот пятидесятилетней давности, что, впрочем, совершенно не исключает обычной при устной передаче исторических событий их «фольклоризации». Тем не менее глухой отзвук потрясений V в., когда менялась этническая карта евразийских степей, прорвался в систему представлений уйгуров VIII в. об их собственной древней истории.

Аспект мифологический. Та часть культурного наследия любого древнего этноса, в которой отражено восприятие окружающего мира и определено его место в общей «картине мира», неизбежно мифологизирована. Жанровые особенности рунических памятников исключали последовательное и полное изложение какой-либо мифологическом фабулы. Однако образ мышления и стиль повествования побуждали создателей текстов к намекам и упоминаниям, за которыми скрывались общеизвестные представления, верования, идеологические конфликты.

В памятниках рунического письма наряду с верованиями и мифами собственно тюрков нашли отражение аналогичные представления енисейских кыргызов и огузских (уйгурских) племен Монголии и Восточного Туркестана. Полное совпадение пантеона во всех доступных проверке случаях позволяет рассматривать исследуемое, на материале рунических памятников явление как достаточно гомогенное, а источники, его характеризующие, — в единстве, выходящем за границы общности письма и языка. Естественны несовпадения мифологем, касающихся этногонии и генеалогии различных племен. Впрочем этногонические мифы очень слабо отражены в надписях и до некоторой степени известны лишь в изложении источников других стран, синхронных древнетюркским памятникам. Сведения иноземных наблюдателей, имевших прямые или опосредованные контакты с тюрками, часто уникальны, но возможности их использования ограничены недостаточной определенностью, зачастую и тенденциозностью изложения, так как в сообщениях воспроизводится совершенно чуждый наблюдателю мир, с трудом адаптируемым в рамках иных концепции.

Тем не менее именно китайские сообщения позволили за последние двадцать лет дважды обращаться к мифам о происхождении племени тюрк в достаточно широком контексте общей этногонии Центральной Азии I тыс. до н.э.-I тыс. н.э. [7]. Сравнительное же изучение рунических памятников и некоторых древнетюркских легенд, зафиксированных в такских источниках, позволило осветить древнейшие этапы истории кыпчакской племенной конфедерации и, таким образом, окончательно установить, что четыре основных объединения древнетюркских племен, в течение почти тысячелетия влиявших на судьбы Центральной и Средней Азии, — собственно тюркское, огузское, киргизское и кыпчакское — сложились практически одновременно, между V-VII вв. Тем самым получает более прочную основу исследование этнической истории средневековых народностей, ставших непосредственными предками нынешних тюркоязычных нации.

Возвращаясь к теме мифологии, следует особо выделить ту ее часть, которая характеризует древнетюркский пантеон. Исследования последних лет именно в этом мифологическом слое выявили системные совпадения в столь отдаленных пунктах евразийских степей, как долина Орхона, Дагестан и Дунайская Мадара [8]. В начале VI в. в предгорном Дагестане сложилось «царство гуннов» (термин Анания Шираками), образованное группой тюркоязычных праболгарскпх племен. Сохранившееся в труде Моисея Каганкатваци части жития епископа Исраэля – главы албанской христианской миссии в стране гуннов позволяют восстановить гунно-болгарский пантеон, включавший главного небесного бога Тенгри-хана, божество Земли-Воды (орхонское Йер-Суб), женское божество плодородия, именуемое албанским клириком Афродитой (орхонская Умай) и «некиих богов путей» (древнетюркские йол-тенгри). Как видно, гунно-болгарский пантеон детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Туркестана. Тот же круг религиозно-идеологических представлений фиксируется у дунайских праболгар. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарскпх племен (племенного суперсоюза теле), оставивших свою центрально-азиатскую прародину не позднее V в., следует считать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы именуем «древнетюркским пантеоном», сформировалась в окончательном виде еще до середины I тыс. н.э.

Таким образом, рассмотрение сообщений рунических памятников позволило обратиться к проблеме сложения социокультурных и идеологических представлений, возникших накануне появления древнетюркских государств внутри и за пределами центрально-азиатской ойкумены. В течение последующих столетий унаследованная традиционная культура была преобразована в новую цивилизацию, которой оказались свойственны столь значительные

явления, как письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, строительство городов и религиозные искания. Все это позволяет характеризовать древнетюркскую культуру Центральной Азии как систему, включавшую в себя наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий динамизм ее развития. Эта культура, погибшая вместе с породившими ее этническими и социальными группами, была лишь частично унаследована тюркскими и монгольскими народностями позднего средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Kljastornyj S. G., Lievshic* V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised//AOH. 1972. T.. 20. C. 139—102.

[2] О ранних енисейских памятниках см.: *Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера: К. датировке енисейских рунических памятников//В сб.: Turcologica: К. 70-летию акад. Л.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258-260. О древнетюркском литературном языке см.: *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX ив. Л., 1980, С. 24-41.

[3] *Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 53—60; Fussman G. Documents epigfraphiques kouchans//BEFEO. 1974. T. 41. S. 1-66; *Bivar A. D.* The Kusann trilingual//BSOS. 1970. T. 39, Pt. 2. S. 333- 340; *Bernard P.* Compagne de fouille 1978 a Ai Khanum (Aftjanistan)// C. r. des seances de l'Academie des Inscriptions el Belles-Lettres. Paris, 1980. P. 437-440.

[4] *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки//СА. 1979. № 1. С. 270-275.

[5] *Klyashtorny S.G.* The Terkhin inscription//AOH. 1982. T. 36. C. 335-366; *idem.* The Tes inscription of the Uighur Bögü Qaghan//AOH. 1985. T. 39. C. 137-156.

[6] Подробнее см.: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках// В сб.: Turcologica: К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 198l. С. 153-164.

[7] *Кляшторный С.Г.* Проблема ранней истории племени тюрк (ашина)//В сб,. Новое в советской археологии. М., 1965. С. 278-281; *Sinor D.* The legendary origin, of the Turks//Folklorica Festsehrift for Felix Y. Oinas. B1oomington, 1982. С. 223-237. [8] *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты и древнетюркских памятниках//Тюркол, сб. 1977. М., 1981. С. 117-138; *Кляшторный С.Г.* Праболгарский ТАНГРА и древнетюркский пантеон//Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. София. 1984. С. 18-22.